

Андрей Ушаков

независимый исследователь, кандидат философских наук (Россия)

Глобальный язык для частично глобализированного мира. Новый колониализм. (Из цикла TransEurasia Drift)

*If you gave me a fresh carnation,
I would only crush its tender petals
Carnation, The Jam.*

*Carnation (гвоздика): наиболее распространенный для обо-
значения (в качестве символа) того или иного публичного/ по-
литического процесса цветов.*

DemoDemocracy

В одной из своих статей я предположил, что скорость предоставления новых продуктов на рынке информационных технологий представляет угрозу не только для европейских и американских производителей, но и имеет прямые политические следствия. Собственно угроза состоит в том, что производители из Китая и других стран со схожими экономическими преимуществами не имеют длительной истории развития понятий "invention" и "innovation". Тем более странно будет ожидать, что институты патентирования и прочие способы легитимизации данных понятий и инстанций данных понятий (конечный продукт), появившиеся в результате технологического и социального развития стран Запада в 19 веке, известного как «прогресс», сами по себе получают столь же серьезное идеологическое обоснование и правовую защиту. Важно отметить, что все эти элементы являются основанием современной западной политической системы. Поэтому можно предположить, что страны, лишённые подобных процессуальных механизмов, получают серьезные преимущества как на рынке информационных технологий, так и создают, посредством механизмов глобализации, новую политическую реальность для стран Запада. Эта новая политическая реальность и была определена как «DemoDemocracy», что лишь является обозначением перехода некоторых производственных практик (демо-версии продуктов IT сферы) в сферу политики.

Традиционно, различные школы International Political Economy избегали рассмотрения внутренней политики, представляя международные отношения

как взаимодействия атомарных единиц (государств) по правилам теории игр. Новые международные игры (к началу 90 - ых годов преимущественно NGO) несколько «размыли» исходную атомарную диспозицию. Рассматривать их без учета внутренней структуры было просто невозможно. Так структуры внутренней политики попали в обиход International Political Economy.

DemoDemocracy, предложенная выше как возможное описание формирующейся внутренней политики, обладает одной особенностью — исходный продукт (политическое решение) с самого начала рассматривается как промежуточное. Но именно легкость принятия/ отзыва решения является негативным фактором для создания международных режимов, лишая их логистической инерции (Peter F. Cowhey, «Domestic Institutions and the Credibility of International Commitments: Japan and the United States», 1993). Все это относится к сфере традиционной политики, где подобные практики просто не могут быть прописаны. То есть они являются особенностью правовых систем разных стран, но никак не отдельно прописанным алгоритмом принятия решения. Более того, любая страна откажется от такого алгоритма на правовых основаниях — сколь бы быстро/медленно не принимались/ отзывались законы, они законы именно потому, что прошли ВСЮ процедуру принятия. В терминах современной политики разница между принятой демо- версией и due procedure описывает границы правового общества. Правовое общество является таковым именно в силу соблюдения всех необходимых процессуальных действий. Оно просто не в силах описать «внутренние часы» закона, которые бы, по одним только им ведаемым параметрам (то есть нелегитимно) определяли «скорость» процессуальных действий, делая закон более или менее привлекательным для инвесторов. Внутренняя и внешняя политика стран западных демократий сейчас сталкивается с проблемой легитимизации того, что в принципе не может быть легитимизировано. Но, впрочем...

Fashion! Turn to the left! Fashion! Turn to the right! (David Bowie).

Вопрос прост: может ли современная западная демократия работать в режиме, скорость которого превосходит «расчетную» возможность западной демократии, сохраняя необходимые и привычные due procedures?

Некоторым аналогом политических демо-продуктов является система прямых референдумов, существующая в Швейцарии (возьмем пример этой страны в качестве наиболее иллюстративного). Референдум в кантоне Тичино (Canton Ticino) снял вопрос о ношении особых платков, при этом массовые погромы и выступления не наблюдались. В самой Швейцарии все это называется "предупредительными мерами". Если раньше эти референдумы были примечательной формой grassroots демосгасу, то теперь они рассматриваются как серьезный механизм устранения основ для потенциально опасных конфликтов. Граждане Швейцарии бросили вызов традиционным демократиям и элитам, фактически доказывая их недееспособность в глобальном мире.

Возразить легко: страна маленькая, может серьезно ограничить миграционные потоки и т.д. Но почему страны традиционной (скорее просвещенческой) демократии вынуждены идти другим путем? Ответ не заставит себя ждать: внешняя политика этих стран вынуждает их допускать в страну целые племена под видом одной семьи (вспомним это примечательное выступление г-на Саркози по поводу введения генетического контроля для иммигрантов). Казалось бы, что напор постмодернистских нарративов мультикультурализма, оценка Просвещения как образца репрессии и обеспечили политическое фиаско этого предложения. Но ни один подобный дискурс не устоял бы, если внешняя политика не могла себе его позволить. Франции необходимо сохранить влияние в Северной Африке. С наименьшими затратами, разумеется.

Современная внешняя политика началась вместе с Просвещением. Появились различные обоснования колониального дискурса (достаточно вспомнить экономическую теорию А. Смита о наиболее рациональной аллокации ресурсов). Но теории изменились. Плюс то, что можно назвать теоретической инфляцией. Очевидно, что многочисленные дискурсы, объединенных неоколониальной направленностью, были легко адаптированы в либеральной академической среде. Внутренняя предвыборная политика выделения различных возрастных и этнических групп, которую можно считать близнецом-антиподом указанных выше либеральных дискурсов, была блестяще продемонстрирована Карлом Роузом на выборах в США 2000. Все это фактически уничтожает возможности для иной (критической) проблематизации общественных проблем. Это особенно ярко проявилось в возмущении американцев против одного процента супербогатых. Можно предположить, что символический 1 процент обозначает исключенность его представителей из всей экономической деятельности. То есть он богат по определению, и экономическое состояние страны не может повлиять на этот «непреложный» факт. Итак, внутренняя политика оказалась вписанной в терминологию непреложных фактов. В конечном счете, именно благодаря этому и стала возможной иная концептуализация легитимности на уровне голосования: всегда можно «поделить» избирателя новым способом, то есть управлять скоростью

Современная политика отброшена во времена «войны всех против всех». Впервые со времени 18 века внешняя политика имеет серьезные геополитические пробелы, постоянно возникающие точки «невлияния»

политических решений. Принципиальное отличие классической политической critical stance от политического «факта», описанного выше, как раз и заключается в том, что социальная/политическая критика не могла быть «разогнана» до любой скорости. Социальная/политическая критика являлась когда-то обоснованием «due procedure». С ее уходом политика может существовать на разных скоростях. Нечто подобное предложил Mohamed El-Erian (тогда еще CEO для Pacific Investment Management Company) для описания разной скорости выхода из рецессии разных групп стран. Этот подход был адсорбирован IMF, то есть стал институциональным фактором с неопределенным по величине локусом применения. Почему бы следующим локусом не стать собственно внешней политике? Но проследиваются ли изменения во внешней политике?

В 2002 году R. Keohane в Power and Governance in a Partially Globalized World, Part 12, несколько подправил теорию о том, что демократиям не свойственна военная риторика. Наоборот, вследствие повышенной уязвимости своих граждан и всевозможных assets, как следствие глобализации разбросанных по всему миру, некоторые демократии (имеется в виду американская) вынуждены применять милитаристский жаргон со всеми вытекающими из него следствиями. Глобализация становится не столько международным режимом (WTO и прочее), сколько быстрой гонкой по уничтожению или своеобразному контролированию «серых зон», то есть а-политичным пространством с постоянной угрозой как создания глобальных террористических организаций, так и глобальной возможностью реакции со стороны традиционных игроков. Можно сказать, что современная политика отброшена во времена «войны всех против всех». Впервые со времени 18 века внешняя политика имеет серьезные геополитические пробелы, постоянно возникающие точки «невлияния».

Введение понятия «DemoSovereignty»

Итак, ставки постоянно растут. Международные режимы, достигшие своего апогея во времена холодной войны, когда фактически не было возможностей для проведения независимой политики, и государства буквально «вталкивались» в противостоящие блоки, дали обильную почву для произрастания разнообразных теорий о существовании режимов. К сожалению,

влияние глобализации недооценивается до сегодняшнего дня. Это признано как ведущими теоретиками международных режимов (Robert Keohane), так и финансистами «in charge» — здесь можно вспомнить и Алана Гринспена с его признанием недооценки глобального эффекта от Азиатского кризиса 1997 года, и реалии современного кризиса, который показывает прямую корреляцию между экономическими решениями разных стран (для развивающихся стран наиболее важной целью стала необходимость договора с Америкой о режимах выхода из unconventional monetary policy, что прямо влияет на ликвидность развивающихся рынков).

В такой насыщенной международной палитре «блочное» и «полярное» описание мира представляется анахронизмом. Происходит переход от международной дипломатии к международному языку, подобному тому, который пытаются сейчас выработать G20 для решения экономических проблем. Уровень договоренностей напрямую затрагивает проблемы внутреннего экономического суверенитета. Не случайно Бен Бернанке (глава Федерального резерва) в споре говорил о том, что Fed решает проблемы американской экономики, но никак не международной. То есть необходимый уровень договоренностей много глубже, чем традиционные WTO и т. д. Несмотря на то, что переговоры G20 являются межгосударственными, по факту они уже работают по другому международному коду — step by step (демо-версии) координации экономической политики, что никогда не случалось в рамках традиционных торговых договоров, с прописанными обязательствами сторон и строго определенной стратегией разрешения споров. G20 — это международный клуб прямого действия, причем носящий квази-государственный статус. Так DemoDemocracy постепенно становится дискурсом «обихода» внешней/внутренней политики.

Международная политика также не может не испытывать давления новых подходов, развившихся ad hoc во время великой рецессии. Монополярность либерализма уходит в прошлое именно как набор дискурсивных практик Холодной Войны. Америка как «исключительная» страна всего лишь первый шаг на пути выработки нового трансграничного кода, который может напоминать монополярность, но уже принципиально отличается от нее. Более того, ее исключительность поддерживается ее ролью в рецессии 2008 как единственного поставщика ликвидности на мировые рынки. Есть достаточно оснований предполагать, что этот новый международный код будет стремиться согласовать в себе как управленческие возможности колониальных империй (что представляется необходимым в виду угроз нарастания миграционных потоков), так совершенно новую степень открытости в признании и отстаивании своих политических и экономических интересов. Дискуссия в терминах «суверенитета» будет представлять сегодня принципиальное непонимание «нового колониализма». Возможно, он останется в качестве термина только для специально отведенных мест (здание ООН, к примеру). Но вряд ли он будет столь же эффективен, как прямая связь между лидерами СССР и США, выстроенная после Карибского Кризиса 1962.

Глобализация не оставляет ни времени, ни возможности для проведения традиционной политики, основанной на суверенитете. Суверенитет не исчезнет. Он только станет столь же быстрым, как и меха-

низм референдумов в Швейцарии. Пока все находятся на «переходной» стадии, риск локальных конфликтов будет только увеличиваться. Виной тому исчезающие дипломатические стандарты суверенного государства. Они представляли некоторые точки, через которые конфликт неизбежно должен был пройти, чтобы быть опознанным в качестве «конфликта». Сейчас такие точки смещаются из дипломатической сферы в сферу физического взаимодействия с огромным пространством неопределенности (по типу переговоров G20). То есть в сторону решений, не опосредованных дипломатическими процедурами и имеющих дело скорее с фактами (что будет, если приостановить QE?), чем с терминами протокола. Весьма интересным и показательным фактом современной внешней политики является использование термина «contagion» (загрязнение) для описания влияния внешних факторов на внутреннюю политику. То есть в принципе отмечается терминология «границ» в пользу «глубины проникновения», что является окончательным приговором классическому «суверенитету» (может быть половина суверенитета, одна треть и так далее).

На момент обострения ситуации вокруг Украины можно было часто услышать уже упоминавшееся слово «contagion» (перевод от «заражения» до «вредного влияния»). Его происхождение можно с определенной долей уверенности связать с негативными влияниями, которые экономики разных стран оказывали друг на друга в момент великой рецессии 2008. Но в условиях экономической глобализации «влияние» может означать только одно — текущее «состояние» фондовых рынков и экономики в целом. Внешнее «влияние» может реализоваться только как внутреннее «состояние». То, что это слово проникло и в «политический словарь», говорит только о том, что «словарь суверенитета» отстывает. Главное его значение заключалось в том, что это был словарь международных констант. Страны оказывали влияние друг на друга, но при этом сами они рассматривались International Theory в качестве атомарных единиц международного и прочего права. Более того, теория разностороннего выхода из рецессии, приведенная выше, не может не транслироваться в теорию «разностороннего политического развития», что опять ставит под вопрос теорию суверенитета как теорию международных констант. Суверенитет из некоторой константы, не имеющей по определению никаких дополнительных определений, превращается в суверенитет-полуфабрикат, который уже можно оценивать с любой точки зрения. Если внешнеполитическое влияние было «внешним» даже для марионеточных государств прошлого, то сегодняшний суверенитет-полуфабрикат изначально строится на впитывании разнообразных внешнеполитических дискурсов. Soft Power стало Hard Power потому, что из разряда идей, формирующих настроение, оно стало способом построения самой конструкции «суверенитет-полуфабрикат», оно стало его составляющей частью, без которой он разрушится, в отличие от «внешних влияний», которые по определению могут сменять друг друга. Так и вводится понятие «DemoSovereignty». Это не частичный суверенитет, это абсолютно новая внешнеполитическая концепция государства.

Все это, несомненно, изменяет основные характеристики локальных конфликтов, которые будут протекать и оправдываться иным способом, нежели привычное со времен холодной войны разделение

стран по блокам. Такое «блочное» деление усиливало значение дипломатических процедур, сводя любую международную проблему до столкновения «рациональных» агентов, то есть ведущих стран блоков (СССР и США). Рациональность хорошо поддерживалась режимом взаимного уничтожения. Рациональный дипломатический дискурс был просто навязан некоторой физической реальностью, а именно количеством боеголовки. Сейчас мир сталкивается с остатками международных кодов.

Поэтому сегодня крайне важно выработать как инструменты, так и стереотипы подобных «трансграничных референдумов». Собственно обращение к формированию терминов, до последнего времени определявших мировой порядок, представляет сегодня большой интерес именно потому, что данный по-

рядок был терминологически оформлен в International Political Economy на основании рассмотрения Pax Britannica. Подобный выбор не случаен. Pax Britannica была первой колониальной империей, которая представила свои колонии не только как возможность для обогащения (не без этого, конечно), но и как среду международной торговли и трансляции международных кодов взаимодействия.

сноски:

¹“The Intoxicated by Spillovers”// <http://zinoviev.info/wps/archives/570>

² Политика «количественного смягчения», предложенная Fed Us и выражавшаяся в скупке долговых обязательств на сумму 85 млрд. USD. Основная цель — обеспечить рынки дополнительной ликвидностью.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Давыдова Л.В. А. А. Зиновьев о вкладе Советского Союза в социальную эволюцию человечества. Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т, 2011. — 352 с.

А.А. Зиновьев... Кто он? Диссидент, каким до сих пор считают его многие? Или выдающийся ученый, давший беспощадно объективный анализ величайшего феномена человеческой истории - коммунистической социальной организации. В данной книге Л.В. Давыдова продолжает рассмотрение логической социологии А.А. Зиновьева, начатое ею в книге «Мужество знать» (2002), а также в учебном пособии «Социология А.А. Зиновьева — путь к пониманию современности» (2006).

В новой работе Л.В. Давыдова дает более развернутое изложение социологической теории А.А. Зиновьева. Это касается прежде всего анализа коммунистической организации, классическим образцом которой является Советский Союз. И социальный строй, возникшего в России после гибели СССР и названного А.А. Зиновьевым постсоветизмом. В рамках анализа А.А. Зиновьевым великого эволюционного перелома, начавшегося во второй половине XX в., в книге дается также подробное изложение научных выводов А.А. Зиновьева о ближайшем и неизбежном будущем России и русского народа.

Шачин, С. В. Коммуникативная теория разума Юргена Хабермаса и ее российская контекстуализация: [монография] / С. В. Шачин; М-во образования и науки РФ, Мурман. гос. гуманитар. ун-т. Мурманск: МГГУ, 2013. — 167 с.

В предлагаемой монографии кандидата философских наук, доцента Шачина С. В. предпринимается попытка творческого продолжения коммуникативной теории разума Юргена Хабермаса. За основу берутся три идеи: формально-прагматический анализ языка, перспективы общественной рационализации в эпоху модерна и взаимоотношения между системой и жизненным миром в период модернизации и в современной России. Философия Хабермаса синтезируется с философией карнавала Михаила Бахтина, теорией социокультурной динамики Питирима Сорокина и критической теорией современности Александра Зиновьева. Книга предназначена для всех, увлекающихся философией, социологией и современной социал-демократической мыслью в целом.